

Сочетание слов *душа* и *прилепиться* в свете языковой концептуализации представлений о душе в русской лингвокультуре

Татьяна Валерьевна Леонтьева, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (Екатеринбург, Россия), t.v.leontieva@urfu.ru

DOI: 10.31857/S0131611725030024

АННОТАЦИЯ: Статья вносит вклад в изучение наивно-языкового образа души через анализ сочетаемости слов. Одной из его составляющих в русской лингвокультуре является представление о ее способности к единению с другими душами. Этот аспект контекстной образной семантики изучаемого слова слабо освещен в научной литературе. В статье проанализировано 54 примера функционирования сочетания существительного *душа* с глаголом *прилепиться*. Материал извлечен из Национального корпуса русского языка. Образ из вещного мира (склеивание мокрого, вязкого) маркирует высокую степень плотности примыкания объектов друг к другу, в переносном же смысле — крепкую привязанность. В текстах встречаются два варианта сочетаний: *прилепиться душой* и *душа прилепилась* (к кому, к чему). Семантика выбора человеком человека воплощается в описаниях дружеской и любовной привязанности, духовной близости между наставником и младшим товарищем, верности прислуги хозяевам, преодоления сословных различий. С душой как главной мерою сверяет человек и другие объекты, не только окружающих людей. В числе прочих объектов, выбор которых зависит от души, кроме человека, находятся вера,

географическое место, дело, идея, занятие, которое может стать предметом соблазна, увлечь душу.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: душа, лексическая семантика, лексика дружбы, лексика любви, синтагматика, русский язык

для цитирования: Леонтьева Т. В. Сочетание слов *душа* и *прилепиться* в свете языковой концептуализации представлений о душе в русской лингвокультуре // Русская речь. 2025. № 3. С. 37–47. DOI: 10.31857/S0131611725030024.

Issues of Modern Russian Language

Combination of Words *Dusha* ('Soul') and *Prilepit'sya* ('Adhere'): Conceptualization of Soul Representations in Russian Linguistic Worldview

Tatyana V. Leontyeva, Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin (Ekaterinburg, Russia), t.v.leontieva@urfu.ru

АБСТРАКТ: This article contributes to the study of the naïve linguistic image of the soul through an analysis of word combinability. One of its components in Russian Linguistic Worldview is the notion of the soul's inclination towards unity with other souls. This aspect of contextual figurative semantics concerning the word in question has been inadequately addressed in the scholarly literature. The study analyzes 54 instances of the the word *dusha* ('soul') combined with the verb *prilepit'sya* ('adhere'). The article uses Russian National Corpus as a source of material. The image derived from the physical world (the adhesion of wet, sticky substances) denotes a high degree of closeness between objects, while in a figurative sense, it signifies strong attachment. Two variants of combinations are found in the texts: *dushoy prilepit'sya* ('adhere with the soul') and *dusha prilepilas'* ('the soul

adhered') (to someone, to something). The semantics choosing another person is embodied in descriptions of friendship and romantic attachment, spiritual closeness between a mentor and a junior companion, loyalty of servants to their masters, and the overcoming of class distinctions. The soul serves as the primary measure against which individuals evaluate themselves and other objects, not limited to surrounding people. Among other objects, besides human beings, whose selection is influenced by the soul are faith, geographical location, endeavor, idea, and activity that may become an object of temptation and captivate the soul.

KEYWORDS: soul, lexical semantics, vocabulary of friendship, vocabulary of love, syntagmatics, Russian language

FOR CITATION: Leontyeva T. V. Combination of Words *Dusha* ('Soul') and *Prilepit'sya* ('Adhere'): Conceptualization of Soul Representations in Russian Linguistic Worldview. *Russian Speech = Russkaya Rech'*. 2025. No. 3. Pp. 37–47. DOI: 10.31857/S0131611725030024.

1. Введение

Слову *душа*, его этимологии, семантике, сочетаемости, иноязычным аналогам, лингвокультурному содержанию посвящен ряд научных публикаций [Вежбицкая 1999; Вежбицкая 2002; Дементьев 2013: 44; Зализняк, Левонтина, Шмелев 2005: 135–140; Макаровска 2018; Радбиль, Ахметжанова, Жумагулова, Сералиева, Сералиева 2020; Руссо 2013; Урысон 1999; Anglin 2014 и др.].

В данной статье мы уделим внимание сочетаниям слов *душа* и *прилепиться*, имеющим наиболее длительную традицию употребления в русском языке (ср. переводы Ветхого Завета, тексты с начала XIX века до сегодняшнего дня). Материал исследования извлечен из Национального корпуса русского языка [НКРЯ], в котором обнаруживается 54 подобных контекста.

Через этот образ описываются, например, отношения дружбы и любви, обретение веры и даже выбор своего дела. Реализуемый через это сочетание мотив сближения душ, воплощенных в телесных оболочках, весьма устойчив в прозаических текстах XIX–XX веков.

Использование слова *прилепиться* в составе рассматриваемой конструкции представляется примечательным. Следует предположить, что в его корневой морфеме скрыто такое значение, которое наиболее точно выражает «качество» единения.

В словаре глагол *прилепиться* имеет два значения: прямое — ‘пристать, прилипнуть’ и переносное разговорное — ‘привязаться, пристраститься, почувствовать привязанность к кому-, чему-либо’ [Евгеньева (ред.) 1987: 419], а слово *прилипнуть* (использованное в словарном толковании при репрезентации первого — прямого — значения), в свою очередь, имеет дефиницию ‘крепко пристать, плотно присоединиться (о чем-л. липком, клейком, вязком, мокром или к чему-л. липкому, клейкому, вязкому, мокрому’ [Там же: 420]) и способно развивать переносное значение ‘заинтересовавшись, увлекшись и т. п., неотступно следовать за кем-, чем-л.’ [Там же: 420]. Образ из вещного мира — склеивание мокрого, вязкого — маркирует высокую степень плотности примыкания объектов друг к другу, в переносном же смысле — крепкую привязанность.

Дружеская привязанность. В первой книге Царств с помощью анализируемого сочетания слов охарактеризованы отношения между двумя персонажами, давшими друг другу клятву дружбы: *Когда кончил Давид разговор с Саулом, душа Ионафана прилепилась к душе его, и полюбил его Ионафан, как свою душу* (1Цар. 18:1) [Михельсон 1912: 172].

В текстах XIX века сочетание *прилепиться душой* соседствует в пределах предложения со словами *друг, дружба*, описывая, в частности, духовную близость между наставником и младшим товарищем: *Он любил... и ему изменили; прилепился душою к другу — друг оказался эгоистом!* (Ф. В. Булгарин. Воспоминания, 1846–1849)¹; *Познав Грибоедова, я прилепился к нему душою, был совершенно счастлив его дружбою...* (Ф. В. Булгарин. Воспоминания о незабвенном Александре Сергеевиче Грибоедове, 1830); *Алеша полюбил пустынножитие и всюю душою прилепился к старцу Зосиме и пребывал с ним до самой его смерти* (М. А. Антонович. Мистико-аскетический роман, 1881).

Интересно, что не последнее место в таких примерах занимает семантика рода занятий. Примеры словоупотреблений указывают на то, что ощущение родства душ с кем-либо возникает у человека (обычно мужчины), испытывающего почтение, уважение к тому делу, которым занят другой человек, состоявшийся в какой-либо сфере деятельности (см. примеры выше: старец Зосима, дипломат и писатель А. Грибоедов). Посредством предикации *прилепиться душой* описываются отношения между людьми, проникшимися общим делом, имеющими сходные интересы.

Привязанность подчиненных хозяевам (почтение). Тем же языковым оборотом обозначается и привязанность, возникающая у людей, которые находятся в услужении у кого-либо, в частности привязанность

¹ Здесь и далее, если не указано иное, примеры приводятся из Национального корпуса русского языка (НКРЯ).

крепостных к их хозяевам: *После Фелицата обратилась в Фелицату Никаноровну, прилепилась всею душой к барской семье и навек осталась девицей* (А. И. Эртель. Гарденины, их дворня, приверженцы и враги, 1889).

Привязанность к социальной среде (понимание и принятие). «Социальное лицо» души очерчивается еще яснее, если контекст описывает такое положение дел, когда почву для «сближения душ» составляет благосклонность, основанная на понимании, хорошей осведомленности об образе жизни и быте людей того или иного социального класса: *Три года я жил с ними и работал для них, и прилепился душою к нищим и убогим* (Вс. М. Гаршин. Сказание о гордом Аггее, 1886). Метафора сближения душ манифестирует в этом случае изменение отношения к людям более низкого социального статуса через преодоление классовых стереотипов.

Любовная привязанность. Сочетание слов *душа* и *прилепиться* способно описывать любовное чувство, ср. в Ветхом Завете: *И прилепилась душа его к Дине, дочери Иакова, и он полюбил девицу и говорил по сердцу девицы* (Быт. 34:3).

В контекстах с любовной тематикой оборот *прилепиться душой* фиксируется вплоть до настоящего времени: *Выслушай ее наивные рассказы и тревоги, приласкай ее, когда ей нужна ласка, погорюй с ней, когда у нее является горе — и она всею душой прилепится к тебе* (А. К. Шеллер-Михайлов. Лес рубят — щепки летят, 1871); *Моя душа старого таракана прилепилась к ее душе, и я с трудом переносил увеличение физической пустоты, которая возникла между нами во время ее странствий по комнатам* (А. Геласимов. Рахиль // Октябрь, 2003).

Обратимся к грамматическим характеристикам анализируемых конструкций.

Все контексты с глаголом *прилепиться* делятся на две группы (в соответствии с двумя синтаксическими моделями):

- (1) [*душа* + *прилепилась* + *к кому/чему*]: *Кажется, эта первобытная, наивная душа успела уже прилепиться к своему покровителю* (А. И. Куприн. Яма, 1909–1915); ...Человек, которого она бесконечно уважала <...> был привязан к её дому, насколько только **может прилепиться к чему-то** человеческая душа и без остатка себя отдать (А. Варламов. Купавна // Новый мир, 2000);
- (2) [*человек* + *прилепился* + *душой* + *к кому/чему*]: *Знаешь ли, что его письмо, которое я отдал Днепровской, до того ее растрогало, что она поклялась забыть тебя и прилепиться всей душой к этому добродушному и благородному человеку?* (М. Н. Загоскин. Искуситель, 1838); *И в числе этих был именно Троицкий, к которому полтора года назад я прилепился душой, с которым всем делился, которому отдал*

свой кушак даже (Н. П. Гиляров-Платонов. Из пережитого, 1886); *...к Виктору Юрьевичу немедленно душой прилепиться* (А. М. Соболев. Любовь на Арбате, 1922); *Мудрено ли, что я после первых же встреч всей душой прилепился к Маршаку, и в ленинградские белые ночи <...> мы стали часто бродить по пустынному городу, не замечая пути, и зачитывали друг друга стихами* (К. И. Чуковский. Высокое искусство, 1968).

Конструкции второй группы характеризуются большей частотностью. Душа, таким образом, мыслится как средство, инструмент, предназначенный для «со-единения», сближения человека с другими людьми.

Семантика выбора человеком человека. Заметим, что в ряде примеров субъект и объект действия *прилепиться* отчетливо манифестируются языком как сущности одного порядка: *душа* стремится к *душе*. Но иногда языковые фиксации упускают из виду «иерархическую упорядоченность» объектов в том смысле, что можно наблюдать контекстные связи типа «*душа* прилепилась к *человеку*». Эта лакуна — отсутствие элемента, который мы легко реконструируем («*душа* ищет *душу* человека»), — имеет метонимическую основу: поиск души душой как раз и означает поиск человека человеком, поэтому слова *душа* и *человек* выступают взаимными заместителями. В результате сформировалось четыре варианта соотношения актантов, связь между которыми вербализуется глаголом *прилепиться*:

- (1) «*душа* → *душа*» (см. выше: *...душа* Ионафана *прилепилась к душе* его [Давида] (1Цар. 18:1));
- (2) «*человек* → *душа*» (*Пьяненький был, бахвалился, чего трезвый никогда себе не позволял, <...> нежным, податливым становился, **норовил к родственной душе прилепиться**, чтобы послушали его, похвалили, обогрели ответной нежностью и любовью* (В. Астафьев. Затеси // Новый мир, 2000);
- (3) «*душа* → *человек*» (*Кажется, эта первобытная, наивная **душа успела уже прилепиться к своему покровителю*** (А. И. Куприн. Яма, 1909–1915));
- (4) «*человек* → *человек*» (*С такой же силой потянуло **его** теперь **прилепиться душой к Короленко*** (К. И. Чуковский. Короленко в кругу друзей, 1940–1969)).

Таким образом, душа является мерой выбора в поиске человеком человека — критерием, образцом, камертоном, эталоном. Метафора поиска семантически производна от трактовки души как эталона меры, «инструмента измерения», ср.: *по душе, не по душе, не к душе*. На это уже указывалось в ряде работ, ср.: «В традиционной картине мира, в той мере,

в какой ее отражает лексика и фразеология русского языка и диалектов, душа осмысливается как некий орган², содержащий в себе инструмент нравственной оценки» [Кабакова 2018: 57]. Примеривание другого человека к себе путем запроса к своей душе — это действие, предваряющее и предсказывающее возможность сближения с другим человеком в общении.

С душой как главной мерою сверяет человек и некоторые объекты, например веру, географическое место, дело, идею, занятие, которое может стать предметом соблазна, увлечь душу.

Когда выражение *прилепиться душой* используется в составе высказываний о выборе веры, «объектами присоединения души» выступают Бог, Христос, Богородица, Церковь, вера, религия: *Прежняя бурная жизнь противопела ей вдосталь, так что она <...> всюю душой прилепились к вере хлыстовской* (В. В. Крестовский. Петербургские трущобы, 1864); *Протопоп Аввакум был верным ее другом и наставником. Другие ревнители старой веры поддерживали и подкрепляли ее <...> И она прилепилась сильною, но темною душою к этому миру поклонов* (В. М. Гаршин. Заметки о художественных выставках, 1887); *Шрамъ <...> сложилъ съ себя «полковничій урядъ», принялъ постриженіе въ священники, и прильпился всею душою къ церкви* (П. А. Кулиш. Черная рада, 1846–1857); *Я начал потихонечку петь на клиросе, освоил нотную грамоту. Так и прилепился душой к Церкви* (М. В. Жилкина. Наше дело — молиться // Журнал Московской патриархии, 2004); *И про одежку свою, вероятно, забыл, прилепившись к Господу всей душою...* (Митрополит Вениамин (Федченков). Два сорокоуста, 1927–1948); *Послушала православную проповедь и прилепилась душою ко Христу, сделалась усердною молитвенницею* (Архиепископ Николай Японский (Касаткин). Дневники святого Николая Японского, 1911).

Другой объект устремления души — географическое место: *Его глазами увидевши Коктебель, его Коктебель, я душой прилепился к этому месту* (А. Белый. Дом-музей М. А. Волошина, 1934); *Швейцарские деревни из окна поезда смотрелись совсем иначе <...> Впервые прилепилась к этой стране душа...* (М. С. Харитонов. Стенография конца века. Из дневниковых записей // Новое литературное обозрение, 2002); *И душа моя прилепилась*

² О душе как умопостигаемом «невидимом органе» пишет Е. В. Урысон: «В перечень органов “наивной анатомии” наряду с обычными органами могут входить сущности двух типов: нематериальные, невидимые органы (душа) и обычные, материальные органы, которым приписываются особые функции, имеющие отношение к психике человека (ср. сердце)» [Урысон 2003: 27]. Душа концептуализируется в виде ряда различных образов, при этом контекстно может актуализироваться любой один из них в зависимости от потребностей говорящего, поэтому противоречие между разными способами концептуализации понятия не возникает: «Значение всех таких существительных (*душа, память, совесть, ум, воображение, слух*. — Т. Л.) строится по следующей общей схеме ‘способность человека... или невидимый орган, с помощью которого...’. В некоторых контекстах реализуется лишь одна часть толкования» [Апресян (ред.) 2003: 302].

к этому месту, когда здесь не было никаких даже намеков на возрождение церковной жизни, — рассказал Патриарх в конце проповеди (Г. Сапожникова // Комсомольская правда, 2013).

Еще один значимый для человека выбор — его профессиональное предназначение, работа: *И прилепилась душой к неврологии* (Н. П. Бехтерева. Магия мозга и лабиринты жизни, 1994); *Если хочешь мнѣ угодить, прильпись тѣломъ и душою къ одному какому-либо изданію, запасись задоромъ и занимайся отвѣтами, замѣтками, антирецензиями и антикритиками* (А. В. Дружинин. Письма иногороднего подписчика о русской журналистике, 1850).

Наиболее сложной и интересной семантической категорией, выступающей объектом «прилепления души», является идеальная сущность, которая актуализируется в силу того, что человек — мыслящее существо, он оценивает и выбирает принципы, жизненные установки, интересы. Открытую грамматическую позицию при глаголе (*прилепиться душой к чему?*) занимают в этом случае *мысль, ценность, истина, интересы, достижение: Ничего не осталось светлого, хорошего, ценного, к чему душе бы крепко прилепиться, а жизни жаль, и страшно умирать...* (Ф. Д. Крюков. Неопалимая купина // Русское Богатство, 1913); *Здесь роятся обрывочные смыслы, и горе тому кто прилепится к ним душой, его там растерзают и погубят* (В. В. Биbihин. Из записей на тему самопознания, 1970–1992); *Он ожил, стал бегать по моим поручениям и, так как главное мое занятие в то время был Некрасов, — прилепился душою к некрасовским темам* (К. И. Чуковский. Дневник, 1947); *Человек в жизни может преодолевать самые невероятные препятствия и трудности, но пережить власть и славу, чтобы не увязнуть в них, «не прилепиться» к ним душой, оказывается, самое трудное из всех жизненных испытаний* (Панков В. Гордый — значит грешный? // Труд-7, 2004.12.22); *Вот куда брошена немощная душа, не прилепившаяся еще к крепкой истине. Ее несет и кружит, бросает туда и сюда, смотря по тому, куда дует вихрь слов и мнений* [Блаженный Августин 2013: 54].

Такой набор объектов весьма показателен: выделенные по сопряженности с «выбором души», по критерию ее участия в оценке готовности человека к «встрече» с этими реалиями, они составляют набор параметров, совокупность характеристик человека как индивидуальности, личности, наделенной душой, чтобы прожить жизнь, выбирая для себя путь, принимая решения в соответствии с «качеством» своей души.

Итак, наблюдения над русскоязычным материалом выявили декларируемую языком способность души в своей земной жизни временно сблизиться с другой такой сущностью (или такими же). Душа осмысливается как инструмент выбора, предопределяющий сближение или отдаление

Т. В. Леонтьева. Сочетание слов *душа* и *прилепиться* в свете языковой концептуализации представлений о душе...

T. V. Leontyeva. Combination of Words *Dusha* ('Soul') and *Prilepit'sya* ('Adhere'): Conceptualization of Soul Representations...

людей. Она представляется и как точный «измерительный прибор», эталон меры, позволяющий человеку делать любой иной выбор — профессии, занятия, веры, места жительства и т. д. Сочетания с семантикой сближения — *прилепиться душою к вере / к месту / к истине / к неврологии* и т. д. — вербализуют идею выбора на основании «меры души», ср. идиомы *по душе* и *не по душе*.

Источники

Михельсон М. И. Русская мысль и речь: свое и чужое: опыт русской фразеологии: сборник образных слов и иносказаний. СПб.: Типография акционерного общества «Брокгауз–Ефрон», 1912. 1046 с.

Литература

Азадовский К. М. Переводима ли «русская тоска»? // Шаги-Steps. 2020. № 6 (3). С. 170–183.

Апресян Ю. Д. (ред.). Новый объяснительный словарь синонимов русского языка: 2-е изд., испр. и доп. М.: Языки славянской культуры, 2003. 488 с.

Блаженный Августин. Исповедь. СПб.: Наука, 2013. 376 с.

Вежицкая А. Семантические универсалии и описание языков / Пер. с англ. А. Д. Шмелева. Под ред. Т. В. Булыгиной. М.: Языки славянской культуры, 1999. 780 с.

Вежицкая А. Русские культурные скрипты и их отражение в языке // Русский язык в научном освещении. 2002. № 2 (4). С. 6–34.

Дементьев В. В. Коммуникативные ценности русской культуры: категория персональности в лексике и прагматике. М.: Глобал Ком, 2013. 338 с.

Евгеньева А. П. (ред.). Словарь русского языка: в 4 т. М.: Русский язык, 1987. Т. 3. 752 с.

Зализняк А. А., Левонтина И. Б., Шмелев А. Д. Ключевые идеи русской языковой картины мира. М.: Языки славянских культур, 2005. 554 с.

Кабакова Г. И. Душа как орган оценки и оценка души // *Antropologiczno-jezykowe wizerunki duszy w perspektywie miedzykulturowej, tom trzeci: aksjosfera duszy – dusza w aksjosferze*. Warszawa: Instytut Slawistyki Polskiej Akademii Nauk, 2018. С. 57–72.

Макаровска О. Ценность человеческой души в зеркале (де)мотивационных постеров // *Antropologiczno-jezykowe wizerunki duszy w perspektywie miedzykulturowej, tom trzeci: aksjosfera duszy – dusza w aksjosferze*. Warszawa: Instytut Slawistyki Polskiej Akademii Nauk, 2018. С. 325–344.

Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <https://ruscorp.org> (дата обращения: 12.08.2021).

Радбиль Т. Б., Ахметжанова Г. А., Жумагулова Ж. Ж., Сералиева А. Е., Сералиева Г. Е. ДУША и ТЕЛО в аспекте сопоставительного анализа концептов культуры: материалы

- к лингвокультурологическому фразеологическому словарю русско-казахских соответствий // Научный диалог. 2020. № 3. С. 127–150.
- Руссо М. М. Исчезающие и возникающие органы // Лингвистика и методика преподавания иностранных языков (Электронное научное издание). М.: Институт языкознания РАН, 2013. Т. 5. С. 173–199.
- Урысон Е. В. Дух и душа: к реконструкции архаичных представлений о человеке // Логический анализ языка. Образ человека в культуре и языке / Отв. ред. Н. Д. Арутюнова, И. Б. Левонтина. М.: Индрик, 1999. С. 11–25.
- Урысон Е. В. Проблемы исследования языковой картины мира: Аналогия в семантике. М.: Языки славянской культуры, 2003. 224 с.
- Anglin S. M. I think, therefore I am? Examining conceptions of the self, soul, and mind // *Consciousness and Cognition*. 2014. Vol. 29. P. 105–116.

References

- Anglin S. M. [I think, therefore I am? Examining conceptions of the self, soul, and mind]. *Consciousness and Cognition*, 2014, vol. 29, pp. 105–116. (In Eng.)
- Apresyan Yu. D. (ed.). *Novyi obyasnitelnyi slovar' sinonimov russkogo yazyka* [New explanatory dictionary of synonyms of the Russian language]. Moscow, Languages of Slavic Culture Publ., 2003. 488 p.
- Azadovsky K. M. [Is “Russian melancholy” translatable?]. *Shagi-Steps*, 2020, no. 6 (3), pp. 170–183. (In Russ.)
- Blessed Augustine. *Ispoved'* [Confession]. St. Petersburg, Nauka Publ., 2013. 376 p.
- Demytyev V. V. *Kommunikativnye tsennosti russkoi kul'tury: kategoriya personal'nosti v leksike i pragmatike* [Communicative values of Russian culture: the category of personality in vocabulary and pragmatics]. Moscow, Global Com Publ., 2013. 338 p.
- Evgenyeva A. P. (ed.). *Slovar' russkogo yazyka. T. 3* [Dictionary of the Russian language. Vol. 3]. Moscow, Russkii Yazyk Publ., 1999. 752 p.
- Kabakova G. I. [The soul as an organ of assessment and assessment of the soul]. *Anthropologiczno-jezykowe wizerunki duszy w perspektywie miedzykulturowej, tom trzeci: aksjosfera duszy – dusza w aksjosferze*. Warszawa, Instytut Slawistyki Polskiej Akademii Nauk Publ., 2018, pp. 57–72. (In Russ.)
- Makarovska O. [The value of the human soul in the mirror of (de)motivational posters]. *Anthropologiczno-jezykowe wizerunki duszy w perspektywie miedzykulturowej, tom trzeci: aksjosfera duszy – dusza w aksjosferze*, Warszawa, Instytut Slawistyki Polskiej Akademii Nauk Publ., 2018, pp. 325–344. (In Russ.)
- Natsional'nyi korpus russkogo yazyka* [Russian National Corpus]. Available at: <http://ruscorpora.ru/> (accessed 12.08.2021).
- Radbil T. B., Akhmetzhanova G. A., Zhmagulova Z. Zh., Seralieva A. E., Seralieva G. E. [DUSHA (“SOUL”) and TELO (“BODY”) in the Aspect of Contrastive Analysis of Cultural Concepts:

Т. В. Леонтьева. Сочетание слов *душа* и *прилепиться* в свете языковой концептуализации представлений о душе...

T. V. Leontyeva. Combination of Words *Dusha* ('Soul') and *Prilepit'sya* ('Adhere'): Conceptualization of Soul Representations...

Materials for the Linguo-Cultorological Phraseological Dictionary of Russian-Kazakh Correlations]. *Nauchnyi dialog*, 2020, no. 3, pp. 127–150. (In Russ.)

Russo M. M. [Disappearing and Emerging Organs]. *Lingvistika i metodika prepodavaniya inostrannykh yazykov (Elektronnoe nauchnoe izdanie)* [Linguistics and Methods of Teaching Foreign Languages (Electronic Scientific Publication)], Moscow, Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences Publ., 2013, vol. 5, pp. 173–199. (In Russ.)

Uryson E. V. [Spirit and Soul: Towards the Reconstruction of Archaic Concepts of Man]. *Logicheskii analiz yazyka. Obraz cheloveka v kul'ture i yazyke*. Moscow, Indrik Publ., 1999, pp. 11–25. (In Russ.)

Uryson E. V. *Problemy issledovaniya yazykovoi kartiny mira: Analogiya v semantike* [Problems of Studying the Linguistic Picture of the World: Analogy in Semantics]. Moscow, Languages of Slavic Culture Publ., 2003. 224 p.

Vezhbitskaya A. *Semanticheskie universalii i opisaniye yazykov* [Semantic universals and description of languages]. Moscow, Languages of Slavic Culture Publ., 1999. 780 p.

Vezhbitskaya A. [Russian cultural scripts and their reflection in the language]. *Russkii yazyk v nauchnom osveshchenii*, 2002, no. 2 (4), pp. 6–34. (In Russ.)

Zaliznyak A. A., Levontina I. B., Shmelev A. D. *Klyuchevyye idei russkoi yazykovoi kartiny mira* [Key ideas of the Russian language picture of the world]. Moscow, Languages of Slavic Culture Publ., 2005. 554 p.